

СПЕЦИФИКА ПЕРЕСЕЛЕНИЙ ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ ИЗ ЛАТВИЙСКОЙ, ЭСТОНСКОЙ И ЛИТОВСКОЙ ССР 1941 г.

И. С. Семенихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 апреля 2014 г.

Аннотация: в статье анализируются особенности переселения этнических немцев Прибалтики в 1941 г. в контексте советско-германского сотрудничества.

Ключевые слова: этнические немцы, переселение, Прибалтика, советско-германское сотрудничество.

Abstract: the article considers the specificities of the migration of ethnic Germans from the Soviet Republics in the Baltic to Germany in 1941, in the context of German-Soviet cooperation.

Key words: ethnic Germans, migration, Baltic, German-Soviet cooperation.

Теме советско-германских соглашений 1939 г. посвящено немало исследований как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Подробно освещены причины и цели подписания договоров о ненападении и о дружбе и границе, политические и экономические аспекты предвоенного сотрудничества, последствия геополитических изменений в Европе, прежде всего в прибалтийском регионе. Однако один из ключевых аспектов практической реализации этих договоренностей – переселения немцев Прибалтики на территорию Третьего рейха в 1939 и 1941 гг., к сожалению, обойден вниманием российских историков. Между тем «репатриация» более ста тысяч человек на десятилетия предопределила развитие региона. Особенный интерес вызывает второе переселение из Прибалтики в 1941 г., осуществлявшееся при непосредственном участии советских и германских представителей.

Соглашения между СССР и Германией о переселении этнических немцев из Литвы и дополнительном переселении из Латвии и Эстонии в Третий рейх были подписаны 10 января 1941 г. Тексты договоров практически идентичны, за исключением положений о переселении немеческого населения из Мемельской и Сувалькской областей – бывшей литовской территории, отошедшей Германии, – в СССР. Согласно договорам образовывались две смешанные комиссии (одна для осуществления акции в Литве, другая – в Латвии и Эстонии), состоящие из двух «назначаемых правительствами делегаций». Те, в свою очередь, имели право также привлекать к работе «равное число экспертов и вспомогательного персонала». С советской стороны руководство осуществлял главный представитель с двумя заместителями, с германской

– главный уполномоченный с заместителями. Они соответственно назначали равное число районных и территориальных представителей и уполномоченных. В задачи комиссии входили регистрация желающих принять участие в переселении, подтверждение принадлежности переселенцев к германской нации, общее руководство и обеспечение планомерного хода переселения [1, Bl. 2ff].

В Литве районными и территориальными советскими представителями были назначены лица, уже обладавшие опытом организации массовых переселений из Волыни и Галиции, поэтому внутренняя структура советской команды соответствовала германской. В распоряжении советских представителей был и «сравнительно хорошо функционировавший литовский административный аппарат» [2, Fol. 25]. Германские уполномоченные, впрочем, также имели опыт подобной работы. В Латвии и Эстонии советские эксперты, имевшие опыт волынского и галицийского переселений, напротив, выполняли только консультативные функции и не принимали активного участия в организации и проведении кампании. Глава германской делегации по вопросам дополнительного переселения из Латвии и Эстонии консул О. Экерт писал о том, что вначале советские офицеры, проводившие регистрацию, «не могли разобраться в сложных немецких документах» и «зачастую были полностью зависимы от латышских и эстонских переводчиков» [3, Fol. 4].

Отношения между представителями советских и германских делегаций были также различными.

Главный германский уполномоченный в Литве унтерштурмфюрер СС Х. Брюкнер сообщал в первом отчете Управлению по делам этнических немцев (Volksdeutsche Mittelstelle (VoMi)), что советские делегаты настроены по отношению к германской ко-

манде «очень радушно и предупредительно». Иногда настолько радушно, что «возникает вопрос, что за этим кроется» [2, Fol. 26]. В Латвии и Эстонии на первой встрече делегаций также много говорилось о советско-германской дружбе [3, Fol. 2]. Это, однако, не помешало возникновению конфликта вокруг использования национальных символик обоих государств на регистрационных пунктах в первые же дни работы смешанных комиссий. В Нарве советский представитель принес портреты советских политических деятелей, которые германский представитель потребовал убрать. В Дерпте и Пернау советские делегаты отказались работать до тех пор, пока из зала не будет убрана германская символика [3, Fol. 13–16]. Подобные случаи повторялись и в других городах [3, Fol. 46–50]. Однако нужно заметить, что и в Литве после трех рабочих дней наметилось некоторое охлаждение отношений, ознаменовавшее, по словам главного германского уполномоченного, начало «типичной для любого переселения» борьбы за власть и влияние [2, Fol. 27].

Недостаток опыта советских представителей негативно сказывался на ее темпе в Латвии и Эстонии. Члены советской делегации поначалу избегали самостоятельного принятия решений, консультируясь с вышестоящими инстанциями практически по любому вопросу. Во многих сообщениях германской команды упоминаются долгие телефонные разговоры, которые территориальные советские представители вели с Москвой [3, Fol. 46]. Сама процедура регистрации также занимала много времени: семьи переселенцев направлялись от стола к столу, где предоставляли на рассмотрение смешанной комиссии свидетельства своего немецкого происхождения, и, если обе стороны были согласны, имена членов семьи вносились в список. После этого каждый переселенец получал специальное удостоверение с номером. Этот документ давал право участвовать в переселении, и по прибытии в Рейх претендовать на получение германского гражданства, так как прежнего все переселяющиеся лишались. Многие были вынуждены запрашивать дополнительные документы в различных ведомствах [4, S. 184]. Сложности возникали и при оценке церковных свидетельств, так как некоторые служащие выдавали их без документальных оснований [5, S. 316]. Пастор Грасс в Либау, например, выдал около двухсот свидетельств и справок, не используя церковных книг, аргументируя свой поступок тем, что они уже отправлены в Германию. Такие свидетельства продавались не только этническим немцам, но и латышам и полякам [3, Fol. 12]. В итоге советские представители начали отклонять церковные свидетельства как не заслуживающие доверия [5, S. 316]. Спорные случаи отправлялись на рассмотрение вышестоящих инстанций, нередко проходя путь

от территориальных германского уполномоченного и советского представителя до глав переселенческих комиссий; часть из них даже направлялась в германское посольство в Москве и комиссариат иностранных дел. Регистрация одной семьи в начале работы занимала до полутора часов. Подобный темп работы категорически не устраивал Третий рейх, так как в течение предусмотренных договором двух с половиной месяцев планировалось зарегистрировать и переселить более 30 тысяч человек.

Члены германской делегации неоднократно высказывали мнение о том, что советские партнеры намеренно замедляли темп регистрации, а территориальные представители получали на этот счет специальные инструкции от районного штаба или других инстанций [3, Fol. 15]. Документальных свидетельств, подтверждающих наличие подобных инструкций, не сохранилось, однако эти подозрения косвенно подтверждает то обстоятельство, что, несмотря на опыт, приобретенный всеми без исключения делегатами в ходе работы, регистрация до последнего дня проходила сравнительно медленно. Подозрения германской делегации вызывала и так называемая «советская справка» – дополнительно заполняемая анкета. Представители рейха считали дополнительное анкетирование противоречащим договору и настаивали на его отмене, так как предоставляемые сведения могли быть использованы НКВД против остающихся в Прибалтике родственников и членов семей переселенцев [6, Bl. 8].

Вмешательство в работу различных советских ведомств также негативно сказывалось на ее качестве, так как они нередко действовали с нарушением положений договоров и только в интересах советской стороны. Даже прямые распоряжения руководства советской делегации нижестоящим инстанциям выполнялись часто с большой задержкой или даже просто игнорировались [4, S. 183]. В качестве примера можно привести работу государственных архивов в Ревеле и Риге, которые сначала отказывались предоставлять этническим немцам выписки из церковных книг, а после вмешательства главного советского представителя начали выдавать требуемые документы, «намеренно опуская в них данные о национальности». Многие командиры отказывали желающим принять участие в переселении военным служащим в отпуске для регистрации. В ряде случаев это вело к дезертирству, один военный врач в Вольмаре по этой причине покончил жизнь самоубийством [5, S. 136–137].

Консул Экерт описывал советско-германское сотрудничество как «непрерывное изматывающее противостояние», заключающееся в том, чтобы «в этой маленькой войне раз за разом вынуждать противоположную сторону идти на уступки» [5, S. 136]. Однако

не все члены германской делегации негативно оценивали сотрудничество с советскими партнерами. Фон Нотбек писал о «хороших отношениях... сложившихся между Немецким опекуном управлением (Treuhandverwaltung) и советскими ведомствами», благодаря которым «многим удалось получить разрешения на переселение». «Несколько добрых слов, но чаще какой-нибудь подарок» делали возможным выезд даже для лиц, не обладавших достоверными подтверждениями национальной принадлежности, если, конечно, «они не представляли интереса для советской стороны» [7, Вл. 18–20]. Однако чаще всего германские представители прибегали к различным трюкам и уловкам, таким как предоставление переселенцам поддельных свидетельств их немецкого происхождения, внесение задним числом имен в кадастр Немецкого культурного самоуправления, даже отправка не допущенных к переселению лиц вместе с крупногабаритным багажом [8, Вл. 9–10]. Семейное серебро и прочие ценные вещи переселенцев, вывоз которых был запрещен или ограничен договором, нередко переправлялись через границу дипломатическими курьерами [8, Вл. 3].

Нужно отметить, что в первых отчетах германской команды в Литве совместная работа на регистрационных пунктах оценивалась как достаточно успешная. Германский главный уполномоченный сообщал о «вполне хорошей организации [работы]», особенно в сравнении с переселением из Волыни и Галиции, «где подготовительная работа вообще отсутствовала» [2, Fol. 28]. Здесь регистрация переселенцев проходила с меньшими сложностями, но темп ее также был существенно ниже, чем при проводимых ранее переселениях. Работу осложняли не противодействие или некомпетентность советских представителей, а большое количество смешанных браков и в ряде случаев слабое владение фольксдойче немецким языком [2, Fol. 34]. Определенную роль сыграло и то, что этнические немцы Литвы проживали в основном в сельской местности и были рассеяны по большой территории. В результате долгих переговоров главный советский представитель Шарок согласился считать евангелическо-лютеранское вероисповедание достаточным свидетельством национальной принадлежности [2, Fol. 26–27].

Различия в ходе регистрации в Латвии и Эстонии, с одной стороны, и в Литве – с другой, объясняются достаточно просто: в первом случае в интересах советской стороны было оставить на своей территории как можно больше рабочей силы, во втором – освободить жилье и рабочие места для переселенцев из Мемельской и Сувалкской областей Литвы, по договору отошедших Германии.

В отличие от регистрации переселенцев вопрос передачи имущества советской стороне вызвал слож-

ности во всех трех прибалтийских республиках. Особенно сложной была ситуация в Эстонии. Германские уполномоченные неоднократно высказывали мнение, что «...злоупотребления местных властей» в большинстве случаев не являлись частной инициативой отдельных служащих, а осуществлялись по указанию свыше. Так, приемные комиссии стремились изъять у переселенцев наиболее ценные вещи, и «нормализация обстановки» оказалась возможной только после многочисленных протестов в адрес районного советского представителя Монахтина [5, S. 319].

В Латвии основной проблемой стали конфискации движимого имущества выезжающих в счет погашения частных или государственных долгов (более 200 официально задокументированных случаев) [5, S. 320].

В Литве долги переселенцев Советскому государству и частным лицам также неоднократно использовались как предлог для ограничения вывоза имущества [2, Fol. 38]. При изучении документов создается впечатление, что переселенцы из Литвы в меньшей степени подвергались конфискациям ценностей, таких как книги, мебель, качественные предметы обихода, нежели фольксдойче Латвии и Эстонии. Можно предположить, что причиной является высокий процент сельского населения среди этнических немцев Литвы. Их наиболее ценным имуществом были скот и продукция животноводства, вокруг вывоза которых и развернулось основное советско-германское противостояние.

Из-за бесконтрольных обменов, продажи и перепродажи скота и лошадей почти треть поголовья, находившегося в собственности литовских немцев, в короткий срок сменила хозяина. Договор же предусматривал только вывоз скота, принадлежавшего переселенцам до 1 июня 1940 г. Поэтому намеченный к отправке скот нередко объявлялся советскими властями не подлежащим к вывозу [2, Fol. 38, 44]. Не меньшими сложностями сопровождался и вывоз мясной продукции, в первую очередь колбас. Почти 100 % высококачественных колбас были арестованы таможенными органами, так как советская сторона приравнивала этот продукт к жирам, вывоз которых ограничивался двумя килограммами. Протесты германского главного уполномоченного встретили ожесточенное сопротивление советской делегации, что привело к полной остановке переселения в Литве на несколько дней, пока стороны не пришли к консенсусу [2, Fol. 40].

Конфронтация советских и германских переселенческих комиссий несколько раз в течение 1941 г. приводила к демонстративному прекращению переселенческого процесса: в Литве – как следствие так называемой «колбасной войны», в Латвии и Эсто-

нии – в результате многочисленных нарушений и конфликтов во время регистрации переселенцев. В обоих случаях на уступки была вынуждена идти советская сторона.

Общей чертой переселений 1941 г. был и конфликт с таможенными органами. Несмотря на то, что договоры предусматривали выборочные проверки, как крупногабаритный, так и личный багаж переселенцев досматривался в полном объеме [5, S. 320–321]. Впрочем, ужесточение таможенного контроля в ряде случаев было вынужденной мерой. Так, в Литве в первые дни кампании досмотр осуществлялся в строгом соответствии с достигнутыми договоренностями, но неоднократные попытки вывоза золота переселенцами (в двух случаях до одного килограмма) вынудили таможенные службы принять дополнительные меры. Причем необоснованность протестов в сложившейся ситуации признавала и немецкая сторона [2, Fol. 46].

Отправка переселенцев и их имущества была единственным этапом, в ходе которого стороны достигли полного взаимопонимания как в Литве, так и в Латвии и Эстонии. Консул Экерт особо отмечал корректность, ответственность и компетентность работников советских транспортных служб, обеспечивших бесперебойную доставку людей и грузов в тяжелых условиях снежной и морозной зимы 1941 г. [5, S. 321]. Единственный достойный упоминания инцидент возник в Ревеле при отправке крупногабаритного багажа. Его причиной германские уполномоченные назвали некомпетентность районного советского представителя, при этом отметив, что проблема была быстро и успешно решена [5, S. 322].

Специфической чертой переселений 1941 г. был постоянный контроль со стороны различных советских ведомств, в первую очередь НКВД. Особенно остро это проявилось в Латвии и Эстонии. В течение первых недель переселения только в Ревеле ГПУ было арестовано около 80 этнических немцев, в числе которых восемь представителей Немецкого опекунского управления, занимавшихся передачей оставляемого имущества советским властям. Не редки были и длительные допросы, в ходе которых велась вербовка агентов из числа переселенцев [5, S. 317–318].

Главный германский уполномоченный Радунски и консул Экерт неоднократно выступали с протестом против «террора НКВД», что в итоге привело к сокращению числа арестов, а майора НКВД Моссолова на посту советского главного представителя в Латвии и Эстонии сменил полковник НКВД Сеницын. Консул Экерт отзывался о нем как о «разумном и приятном в общении» человеке [5, S. 318].

Число арестованных в Литве было также достаточно высоко: по разным данным, от 50 до 60 человек, а за деятельностью членов германской переселенческой

комиссии велось постоянное наблюдение со стороны НКВД. При этом главный уполномоченный Брюкнер отмечал, что «за исключением нескольких незначительных инцидентов на местах» это наблюдение не влияло ни на свободу передвижения, ни на работу его команды в целом [2, Fol. 30].

Успех проведения переселений 1941 г. не в последнюю очередь зависел от личностей советских представителей, так как первые и наиболее важные его этапы осуществлялись на территории СССР. Ключевыми фигурами переселения с советской стороны были главный представитель Мосолов и сменивший его на этом посту в конце февраля 1941 г. полковник Сеницын, главный представитель в Литве генерал-лейтенант Шарок, а также районные представители: майор Монахин в Эстонской и майор Антонов в Латвийской ССР. Все они принадлежали к высшему офицерскому составу НКВД [4, S. 182].

В Латвии и Эстонии противостояние сторон с первых дней приняло формы открытого столкновения. Наиболее острым был конфликт германских представителей с майором Монахиным, который, по выражению консула Экерта, «произвольно толковал положения договора, не стесняясь откровенной лжи». Германская сторона даже предъявляла ему обвинения в саботаже. Главный советский представитель Мосолов занял в конфликте позицию наблюдателя, не оказывая существенного влияния на развитие ситуации. Деятельность его преемника Сеницына несколько снизила накал борьбы. Представители германской делегации характеризовали его как человека, стремящегося к разрешению возникающих проблем и налаживанию конструктивного диалога [5, S. 318–319].

Главный советский представитель в Литве Шарок избрал тактику «неизменного следования положениям договора» [2, Fol. 37]. Он нередко выступал в качестве арбитра в спорных ситуациях, и его решения признавались справедливыми обеими сторонами, а переговоры велись неизменно в доброжелательном ключе. Нужно подчеркнуть, что, в отличие от предыдущих переселений, Шарок, будучи генерал-лейтенантом НКВД и главой литовского ГПУ [4, S. 182], обладал «фактически неограниченными полномочиями». Это, с одной стороны, положительно сказывалось на совместной работе с представителями Германии, так как многие вопросы решались им лично и в сжатые сроки, с другой стороны, сужало возможности для маневра германской стороны, так как позволяло Шароку широко использовать бюрократический аппарат Литовской ССР в своих интересах.

Впрочем, здесь также имели место нарушения договора и конфликты, в первую очередь в имущественных вопросах. Шарок объяснил эти сложности недостаточной осведомленностью советских чинов-

ников о положениях договора и «распорядился разослать во все инстанции соответствующие инструкции». Германские уполномоченные с сожалением отмечали, что инструкции не оказали должного эффекта и систематические нарушения договора со стороны различных советских органов власти продолжались до конца переселения [2, Fol. 39].

Шарок обладал достаточной властью, чтобы в кратчайшие сроки пресечь нарушения, поэтому представляется возможным говорить об определенной тактике советской делегации. Достаточно точно ее принцип сформулировал главный уполномоченный Брюкнер: «Соответствие договору наверху и систематические нарушения на местах в надежде на то, что не все злоупотребления станут известны и будут пресечены, а их результаты пойдут на пользу СССР» [3, Fol. 15].

С достаточным основанием можно утверждать, что назначение главных и районных представителей было не случайно. Низкий темп работы, конфискации и угрозы населению в Эстонии и Латвии имели целью оставить в Прибалтике как можно больше людей и ценного имущества. Германское руководство придавало большое значение скорейшей отправке людей и багажа, что позволяло надеяться на определенную безнаказанность за нарушения договора. Прекращение переселения по инициативе Германии представлялось маловероятным.

Переселение этнических немцев из Литвы проводилось одновременно с переселением литовцев, русских и белорусов из Мемельской и Сувалкской областей, включенных в состав рейха, и конфликты с германской делегацией могли соответственно осложнить работу советской комиссии в этих областях. И хотя германское руководство было заинтересовано в выселении немеческого населения с территории рейха, из идеологических соображений стремясь очистить германский народ от «примесей чуждой

крови» [4, S. 198], советское правительство приняло решение включить в состав делегации представителей, имевших богатый опыт переселений из Галиции и Волыни, в том числе получивших представление и о нелегальных методах партнеров по договору. Глава делегации был призван демонстрировать готовность к сотрудничеству и приверженность букве договора.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что фактором, обусловившим большинство сложностей при проведении переселений 1941 г. из Латвии, Эстонии и Литвы, была конкуренция между СССР и Германией за трудовые и материальные ресурсы. Борьба за них шла с использованием широкого арсенала нелегальных средств и методов с обеих сторон. При этом основным отличием переселения фольксдойче Литвы от дополнительного переселения эстонских и латвийских немцев 1941 г. было параллельное выселение русских, литовцев и белорусов из Мемельской и Сувалкской областей. Прочие факторы, например личность советских представителей или преобладание городского либо сельского населения среди этнических немцев, имели второстепенное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. PA AA, R 23736.
2. BArch R 59 (Volksdeutsche Mittelstelle) / 252.
3. BArch R 59 (Volksdeutsche Mittelstelle) / 234.
4. Ju. v. Hehn. Die Umsiedlung der BArchtlischen Deutschen : Das letzte Kapitel Baltischdeutscher Geschichte. J. G. Herder-Institut, 1984.
5. Diktierte Option.
6. PA AA, R 23720.
7. DSHI 140 Baltikum, 491 Umsiedlungsdokumentation, 34.
8. DSHI 140 Baltikum, 491 Umsiedlungsdokumentation, 26.

Воронежский государственный университет
Семенихина И. С., аспирант кафедры истории
Средних веков и зарубежных славянских народов
E-mail: semenikhinai@mail.ru
Тел.: 8-950-765-35-97

Voronezh State University
Semenikhina I. S., Post-graduate Student of the History
of the Middle Ages and Foreign Slavic Nations Department
E-mail: semenikhinai@mail.ru
Tel.: 8-950-765-35-97